

ИННА БУСЫКА

**ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ
ПРОСТИ,
ЧТО ПРЕДАЛ,
БЫВШАЯ!**

Инна Вронская

**После Измены. Прости,
что предал, Бывшая!**

«Автор»

2026

Вронская И.

После Измены. Прости, что предал, Бывшая! / И. Вронская —
«Автор», 2026

Дверь распахнулась так резко, что с косяка осыпалась штукатурка. В тот вечер моя жизнь закончилась.— Собирайся, — говорит Дмитрий, мой муж, даже не глядя на меня. — Быстро. У нас гостя. Муж-генерал даже не попытался объясниться. Рядом с ним стояла молодая любовница, уже уверенная в своей победе. Она смотрела на меня так, словно я была ненужной вещью, от которой наконец решили избавиться.— Мы теперь семья. А вы — просто неприятное воспоминание, от которого мы избавляемся сегодня вечером, относим на мусорку! - сказала Катя. Они были уверены, что я сломаюсь. Что исчезну навсегда и больше никогда не посмею бороться. Но судьба приготовила для них совсем другой сценарий. Спустя время произошло то, чего не ожидал никто. И однажды человек, который безжалостно вычеркнул меня из своей жизни, оказался передо мной с мольбой о прощении.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

После Измены. Прости, что предал, Бывшая!

Глава 1

Дверь распахивается так резко, что штукатурка сыплется с косяка.

— Собирай вещи, — говорит Дмитрий, даже не глядя на меня. — Быстро. У нас гостья. Я стою посреди прихожей с чашкой в руках — той самой, что он подарил мне на годовщину свадьбы, — и не понимаю, что происходит.

— Дима, что случилось? Ты чего...

За его спиной появляется она. Катя. Двадцать шесть лет, длинные ноги, взгляд победительницы.

— О, а вот и хозяйка дома, — тянет она, окидывая меня взглядом с ног до головы, будто оценивает товар на распродаже. — Дим, ты не преувеличивал. Действительно, серенько как-то.

— Катюш, ну не начинай, — усмехается Дмитрий, но в голосе — ни капли упрёка, скорее нежность. — Хотя она права, Лика. Даже я забыл, когда ты последний раз краситься пыталась.

— Дима, кого ты привёл в наш дом? — шепчу я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Уже не наш, — поправляет он спокойно. — Мой. Ты у меня, если помнишь, в графе собственности вообще не значишься. Умно я тогда сделал, что квартиру на мать оформил.

Катя проходит мимо меня вглубь квартиры, проводит пальцем по полке, будто проверяет на пыль.

— А ничего, что она стоит и слушает? — спрашивает она у Дмитрия с лёгким раздражением, кивая на меня, как на неодушевлённый предмет. — Мне неприятно при ней разговаривать. Как будто мебель лишняя в комнате.

— Сейчас разберёмся, — кивает он и поворачивается ко мне: — Дима, у нас сын! — кричу я, не давая ему договорить. — Ты вообще в своём уме?!

— В своём, — отвечает он холодно. — Впервые за десять лет в своём. Саша останется со мной. Ему нужен отец-генерал, а не мать-неврастеничка.

— Слушайте, а вы правда думали, что он вас любит все эти годы? — вдруг встревает Катя, склонив голову набок с деланным сочувствием, за которым явно прячется удовольствие. — Он мне ваши переписки показывал. Как вы ему по десять раз в день писали «где ты, когда придёшь». Знаете, как это называется? Это называется — вы его придушили своей любовью. Мужчина от такого бежит.

— Ты читал ей мои сообщения? — спрашиваю я мужа, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— А что такого, — пожимает плечами Дмитрий. — У нас с Катей секретов нет. В отличие от нашего с тобой брака, где ты вечно что-то от меня скрывала.

— Я ничего никогда от тебя не скрывала! — Слезы жгут глаза, но я держусь.

— Ой, да ладно вам, — вмешивается Катя, зевая демонстративно, прикрывая рот ладонью с идеальным маникюром. — Мне вообще-то скучно слушать эти разборки. Дим, скажи ей уже, чтобы шла, у нас планы на вечер.

Дверь подъезда открывается — соседи. Марья Петровна, Оксана с собачкой. Останавливаются, смотрят.

— Дмитрий Андреевич, что тут происходит? — осторожно спрашивает Марья Петровна.

— Ничего особенного, — отвечает он громко. — Жена уходит.

Катя, заметив публику, оживляется, будто актриса, дождавшаяся своего выхода на сцену.

— Соседи, вы уж простите, что так шумно, — говорит она сладким голосом, но глаза при этом смеются надо мной в открытую. — Просто некоторые женщины не умеют достойно проигрывать. Вцепилась в мужа, как в последнюю надежду. Даже жалко смотреть, честное слово.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать, — выдыхаю я.

— А что, неправда? — она делает шаг вперёд, приблизившись почти вплотную, понижая голос до шёпота, слышного только мне: — Знаете, что он мне сказал в первую же нашу ночь? Что рядом с вами он чувствовал себя, как в тюрьме строгого режима. Что каждый вечер, приходя домой, представлял, что это — последний. А со мной он снова живой. Как вам такое, а?

— Замолчи, — шепчу я, и голос предательски дрожит.

— Дим, скажи ей правду, — Катя оборачивается к Дмитрию с невинным видом, — ну хоть один раз, напоследок. Она заслужила знать.

Дмитрий смотрит на меня — и впервые за вечер в его глазах мелькает что-то, отдалённо похожее на жалость. Но только на секунду.

— Она права, — говорит он ровно. — Я разлюбил тебя ещё пять лет назад. Просто не хватало смелости уйти. Катя дала мне эту смелость.

Каждое слово вбивается в грудь острее ножа.

— Пять лет, — повторяю я шёпотом. — Пять лет ты жил со мной, зная это?

— А что было делать, — Катя отвечает за него, будто имеет на это полное право. — Терпел. Мужчины вообще терпеливые существа, если рядом удобно. А вы были удобной, Лика. Тихой, покладистой. Идеальная жена для того, чтобы её не замечать.

Из детской доносится всхлип. Саша, шесть лет, стоит в дверях с плюшевым мишкой, глаза полны слёз.

— Мама, — шепчет он, — ты куда?

Катя, заметив ребёнка, морщится, будто он мешает её триумфу.

— Дим, ну сделай что-нибудь с этим нытьём, — говорит она капризно. — У меня от детского плача мигрень начинается.

— Саша, иди в комнату, — приказывает Дмитрий.

— Хочу к маме! — кричит мальчик, вырываясь, бежит ко мне, обхватывает ноги.

— Отставить, — рывкает Дмитрий, отрывает сына силой.

Катя, наблюдая эту сцену, зевает откровенно, без стеснения, поглядывая на часы.

— Слушайте, у нас столик в ресторане заказан на восемь, — говорит она мужу, полностью игнорируя происходящую драму. — Может, уже закончим этот цирк?

— Ты называешь моего плачущего сына цирком? — спрашиваю я, чувствуя, как ярость наконец побеждает отчаяние.

— А как это ещё назвать, — Катя пожимает плечами с абсолютным равнодушием. — Драма на пустом месте. Взрослые люди разводятся каждый день, и никто из-за этого спектакли не устраивает.

Дмитрий заталкивает плачущего Сашу в комнату, закрывает дверь.

— Уходи, Лика, — говорит он устало. — Такси уже вызвано.

Катя протягивает мне пальто двумя пальцами, будто прикасается к чему-то грязному.

— Возьмите, — произносит она с фальшивой заботой, а затем, наклонившись ближе, добавляет тихо, чтобы слышала только я: — И знаете что, дорогая? Не пытайтесь бороться за ребёнка. У Дмитрия связи, деньги, звание. А у вас — истерики и слёзы в подушку. Суд встанет на нашу сторону, даже не сомневайтесь.

— На «нашу»? — переспрашиваю я, застёгивая пальто трясущимися руками.

— На нашу, — подтверждает она с торжествующей улыбкой, беря Дмитрия под руку. — Мы теперь семья. А вы — просто неприятное воспоминание, от которого мы избавляемся сегодня вечером.

Соседи молча расступаются, когда я иду к лифту. Двери закрываются, отрезая меня от всего, что было моей жизнью.

— Мама! — приглушённый крик Саши доносится даже через стены.

Стою одна в кабине лифта, и внутри разверзается пустота — огромная, беспощадная. Но сквозь эту пустоту уже пробивается что-то другое.

— Я вернусь, Сашенька, — шепчу я в пустоту лифта. — Я вернусь...

Глава 2

— Женщина, вы серьёзно думаете, что с такими данными вам дадут ребёнка? — усмехается инспектор органов опеки, даже не поднимая на меня глаз от бумаг.

Я сижу перед этим столом, сжимая сумочку так, что белеют костяшки пальцев.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю тихо.

— Съёмная квартирка в Подмоскowie, — она листает мои документы двумя пальцами, будто брезгует прикасаться. — Тридцать квадратов. Ни машины, ни стабильного дохода. А у отца — особняк, звание, положение в обществе.

С этого стоило начать по порядку.

Три дня назад я стояла на пороге агентства недвижимости с последними деньгами в кошельке.

— Сто тысяч предоплата, — сказала риэлтор, женщина с ледяными глазами, даже не отрываясь от телефона. — И комиссию нашу — сто тысяч. Отдельно.

— У меня столько нет, — прошептала я, чувствуя, как краснею от стыда. — Может, что-то подешевле...

— Подешевле — это общежитие, — она хмыкнула, наконец подняв взгляд. — Вы вообще понимаете, что творится на рынке аренды? Все хотят гарантий.

— У меня есть гарантии, — сказала я, доставая из сумки маленькую коробочку. — Возьмите вот это.

Серёжки. Те самые, что мама подарила мне на свадьбу — золотые, с маленькими сапфирами. Единственная память, которую я взяла с собой в тот страшный вечер.

Риэлтор повертела их в руках, оценивающе прищурившись, будто оценивает не украшение, а мою искалеченную жизнь.

— Ну, тысяча пятнадцать за них дам, — сказала она равнодушно. — По знакомству. Больше не проси.

Пятнадцать тысяч за мамину память. Я кивнула, чувствуя, как внутри что-то оборвалось окончательно, и подписала договор трясущейся рукой.

Квартирка нашлась крошечная — на окраине, в старой хрущёвке, с обоями, выцветшими ещё при советской власти. Но она была моей. Единственным местом в мире, куда я могла приходить и не притворяться счастливой.

И вот теперь я сижу в этом холодном кабинете и слушаю, как женщина в строгом костюме выносит приговор моей жизни.

— Дмитрий Андреевич предоставил прекрасные характеристики, — продолжает инспектор, доставая из папки глянцевые листы. — Генерал-майор, орденосец, безупречная репутация. А вот у вас, — она смотрит на меня с явным осуждением, — справка от психиатра о том, что вы наблюдались после развода. Депрессивное расстройство.

— Это была реакция на измену мужа, — говорю я, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Любая нормальная женщина...

— Нормальная женщина держит себя в руках ради ребёнка, — обрывает меня инспектор резко. — А вы обращались к психиатру. Это уже говорит о многом.

— Обращалась, чтобы справиться и быть сильной для сына! — почти кричу я. — А не потому что я больна!

— Не повышайте голос, — она смотрит на меня холодно. — Видите, даже здесь вы не можете сдерживать эмоции.

В дверь кабинета стучат — и входит он. Дмитрий, в парадной форме, с орденскими планками, безупречный, уверенный.

— Добрый день, — говорит он с лёгкой, обаятельной улыбкой, кивая инспектору как старой знакомой.

— Дмитрий Андреевич, проходите, — расплывается инспектор в улыбке, будто перед ней сам министр явился.

— Ты ещё и сюда явился, — шепчу я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Пришёл поддержать процесс, — отвечает он спокойно, садясь в кресло рядом. — Хочу, чтобы всё было по закону. Ради Саши.

— Ради Саши, — повторяю я с горькой усмешкой. — Ты хоть знаешь, что он последние две недели плачет каждую ночь без меня?

— Плачет, потому что мать вырвала его из привычной среды разговорами о разводе, — тут же вставляет инспектор, даже не дожидаясь ответа Дмитрия.

— Это не я вырвала его из среды! — я вскакиваю со стула. — Это ваш безупречный генерал выгнал меня из дома на глазах у соседей!

— Лика, не преувеличивай, — говорит Дмитрий мягко, с притворным сочувствием в голосе. — Ты сама решила уйти. Я лишь сказал, что нам нужно расстаться.

Ложь настолько наглая, что у меня перехватывает дыхание.

— Ты выставил мои вещи за порог! — кричу я. — При Марье Петровне, при Оксане, при всём подъезде!

— У вас есть свидетели этого? — тут же спрашивает инспектор, доставая ручку.

— Есть, — отвечаю я твёрдо. — Соседи видели всё.

— Соседские сплетни — не документ, — она пренебрежительно машет рукой. — А вот справка о психиатрическом наблюдении — документ. И жилищные условия — тоже документ.

— Какие жилищные условия? — спрашиваю я, чувствуя, как ярость сменяется отчаянием.

— Однокомнатная квартира в отдалённом районе, — читает она равнодушным голосом. — У Дмитрия Андреевича — четырёхкомнатный особняк, детская, оборудованная всем необходимым.

— Оборудованная для Кати! — не выдерживаю я. — Она уже переехала туда, живёт с моим сыном под одной крышей!

— Катерина Викторовна — прекрасный педагог по образованию, — тут же вставляет Дмитрий. — Помогает Саше с уроками, водит на кружки.

— Педагог? — я почти смеюсь от абсурдности происходящего. — Ей двадцать шесть лет, она ещё сама ребёнок!

— Достаточно, — обрывает меня инспектор строго. — Ваша эмоциональность лишь подтверждает мои опасения насчёт стабильности психики.

— Моей психики?! — Я чувствую, как слёзы жгут глаза, но заставляю себя держаться. — Отец выгнал мать ребёнка из дома, привёл любовницу, а виновата в итоге я?!

— Лика, успокойся, — говорит Дмитрий тем самым покровительственным тоном, который я слышала тысячу раз за годы брака. — Ты только вредишь себе такими сценами.

Инспектор кивает, соглашаясь с ним полностью.

— На данном этапе, — произносит она сухо, закрывая папку, — мы рекомендуем оставить постоянное место жительства ребёнка с отцом. Ваши визиты будут согласованы отдельным графиком. Под наблюдением.

— Под наблюдением? — переспрашиваю я, не веря собственным ушам. — Вы хотите, чтобы я виделась с собственным сыном под присмотром, как преступница?

— Это стандартная процедура при нестабильном психическом состоянии одного из родителей, — отвечает она, вставая.

Дмитрий поднимается следом, смотрит на меня почти с жалостью — фальшивой, отрепетированной.

— Я знал, что ты поймёшь, — говорит он тихо, проходя мимо. — Так будет лучше для всех.

Выхожу из здания опеки на негнущихся ногах. Холодный ветер бьёт в лицо, но я не чувствую холода — внутри всё онемело от несправедливости.

Ведь я еще не знала что ждет меня потом...

Глава 3

От третьего лица

— Сколько раз повторять — не лезь ко мне со своими глупостями! — голос Кати разносится по всей квартире. Острый, как удар хлыста.

Саша замирает в дверях кухни с рисунком в руках — солнце, дом, три фигурки возле него.

— Я тебе картинку нарисовал, — говорит он тихо, протягивая листок. — Для холодильника.

— Мне не нужны твои каракули, — Катя даже не смотрит на рисунок, отталкивает его руку резким движением. — У меня итак голова раскалывается от твоего нытья с самого утра.

Мальчик медленно опускает листок, прижимает к груди, будто защищая от новой обиды.

— Я не нюнил, — шепчет он еле слышно.

— Не спорь со мной! — обрывает Катя резко, отставляя чашку кофе так, что та звенит о блюдце. — Иди в свою комнату. И чтоб я тебя до вечера не видела и не слышала.

Саша, опутив голову, плетётся по коридору. У двери своей комнаты оборачивается, смотрит на мачеху с надеждой, которая с каждым днём становится всё тише.

— А когда мама приедет? — спрашивает он робко.

Лицо Кати мгновенно искажается злобой, которую она даже не пытается скрыть, когда рядом нет свидетелей.

— Твоя мама тебя бросила, — цедит она сквозь зубы, наклоняясь к нему почти вплотную. — Забыл уже? Опекать ей даже видется с тобой нормально не разрешает. Плохая она мать. Радуйся, что у тебя теперь я есть.

— Не радуюсь, — вырывается у мальчика неожиданно смело, и в глазах у него блестят слёзы.

— Что ты сказал?! — Катя хватается за плечо, впиваясь пальцами так сильно, что Саша вздрагивает от боли. — Ещё раз такое скажешь — пожалеешь. Марш в комнату!

Мальчик убегает, и дверь за ним закрывается тихо, испуганно — он давно научился не хлопать, чтобы не злить её ещё больше.

Катя остаётся одна в гостиной, достаёт телефон, набирает номер подруги.

— Слушай, я больше не могу, — жалуется она в трубку, растянувшись на диване. — Этот ребёнок меня доконает. Смотрю на сайты интернатов уже вторую неделю. Есть один хороший, в области, круглосуточный, с проживанием. Далеко от Москвы — идеально, чтоб глаза не мозолил.

— Дима, конечно, сразу не согласится, — продолжает она, разглядывая маникюр. — Он же до одури любит изображать хорошего отца. Но я его дожду. Как только забеременею — сразу изаговорю об этом. Скажу, мол, ребёнку нужна спокойная обстановка, а с Сашкой под ногами какой уж тут покой.

В этот момент щёлкает замок входной двери — Дмитрий вернулся со службы. Катя мгновенно преображается: сбрасывает телефон на диван, вскакивает, лицо расцветает нежной улыбкой, будто по мановению волшебной палочки.

— Дорогой! — восклицает она, спеша навстречу с распростёртыми объятиями. — Как я соскучилась!

— И я, родная, — Дмитрий целует её, снимая китель. — Как Саша сегодня? Не капризничал?

— Что ты, — Катя качает головой с притворным умилением. — Мы с ним так замечательно провели день. Рисовали вместе, представляешь?

Она бросает быстрый взгляд в сторону детской комнаты, зовёт слащавым голосом:

— Сашенька, солнышко, папа пришёл! Иди обними папочку!

Дверь открывается медленно. Саша выходит в коридор, глаза ещё красные от недавних слёз, но он старательно прячет их, опустив голову.

— Иди сюда, сын, — Дмитрий раскрывает объятия, и мальчик подбегает, обнимает отца крепко, будто цепляясь за последнюю опору в этом доме.

— Как дела в садике? — спрашивает Дмитрий, взъерошивая волосы сына.

— Хорошо, — тихо отвечает Саша, не поднимая глаз.

— Он у нас молодец, весь день был занят рисованием, — тут же вставляет Катя, обвивая руки вокруг талии Дмитрия, прижимаясь к нему с видом абсолютного семейного счастья. — Правда же, зайчик? Покажи папе свой рисунок.

Саша достаёт смятый листок из кармана — тот самый, который Катя недавно отвергла, — протягивает отцу дрожащими руками.

— Красота какая! — восклицает Дмитрий, разглядывая рисунок. — Три фигурки — это мы, да? Наша семья?

Саша молча кивает, бросая быстрый, испуганный взгляд на Катю, которая улыбается так широко и фальшиво, что это могло бы напугать любого взрослого, не то что ребёнка.

— Мы теперь настоящая дружная семья, — произносит она мечтательно, прижимаясь щекой к плечу Дмитрия. — Кстати, дорогой, у меня прекрасные новости. Врач сказала — есть все шансы, что скоро у нас будет ещё один ребёночек.

Лицо Дмитрия озаряется искренней радостью, он подхватывает Катю на руки, кружит по комнате, полностью забыв на мгновение о притихшем сыне рядом.

— Это же чудесно! — восклицает он, целуя её. — Слышишь, Саша? У тебя скоро появится братик или сестричка!

Мальчик стоит в стороне, молча наблюдая эту сцену семейного восторга, в которой для него самого, кажется, уже не осталось места.

— Правда здорово, зайчик? — Катя наклоняется к нему, изображая нежность, но глаза её остаются холодными, колючими, будто предупреждающими без слов: веди себя тихо, не порти праздник.

— Здорово, — эхом откликается Саша едва слышно.

— Смотри-ка, притомился совсем, глазки слипаются, — тут же произносит Катя, беря инициативу в свои руки. — Пойдём, я тебя уложу, дорогой.

Она уводит мальчика в комнату, а из коридора доносится её изменившийся, уже совершенно другой голос — тихий, резкий, без капли той нежности, что звучала минуту назад:

— Быстро в кровать. И чтоб ни звука, я сказала. Интересно, чем там твоя мат занимается пока я тут нянчусь?

Дверь закрывается. Дмитрий остаётся в гостиной один, довольный, счастливый, не подозревающий, что за фасадом идеальной семейной картины прячется совсем другая, страшная правда — та, что известна лишь испуганному шестилетнему мальчику, засыпающему каждую ночь в слезах.

Глава 4

— Мама, а можно я сам кроватку для братика выберу? — звучит в голове голос Саши с последней встречи, и я улыбаюсь этому воспоминанию, толкая тележку по торговому центру.

Приехала за детской мебелью — пусть у меня однокомнатная квартирка, но я обустрою уголок для сына так, чтобы он захотел остаться здесь навсегда, когда суд наконец услышит правду.

— Вам помочь с выбором? — спрашивает консультант, молодая девушка с бейджиком.

— Да, ищу кроватку, — говорю я, разглядывая каталог. — Для мальчика шести лет.

Мы идём в отдел детской мебели, и я замираю на секунду — впереди, у соседнего стеллажа, знакомая фигура в форме.

Дмитрий. С Катей. И Сашей.

Сердце сжимается — я не готова к этой встрече, не сегодня, не здесь, среди игрушечных кроваток.

— Смотри, какая машинка! — Саша тянет Катю за руку, показывая на полку, но та раздражённо отдёргивает свою ладонь.

— Не дёргай меня, — цедит она сквозь зубы, оглядываясь, не видит ли кто. — Веди себя прилично, мы на людях.

Я прячусь за стеллаж, наблюдаю издалека, чувствуя, как внутри закипает знакомая ярость.

И вдруг — гул. Далёкий, нарастающий, похожий на рой гигантских пчёл.

— Что это? — шепчет кто-то рядом.

Свет мигает. Раз, другой. А потом — взрыв.

Стены здания вздрагивают, будто живое существо, получившее смертельный удар. С потолка сыплется штукатурка, звенят разбитые витрины, где-то кричат люди.

— Беспилотники! — кричит мужской голос откуда-то сверху. — Всем к выходу, немедленно!

Второй взрыв — ближе, оглушительнее. Пол уходит из-под ног, я хватаюсь за стеллаж, чтобы не упасть.

Дым заполняет пространство мгновенно, едкий, чёрный, разъедающий глаза.

— Дима! — кричит Катя пронзительно. — Дима, где ты?!

Толпа паникующих людей растаскивает нас в разные стороны, и я теряю их из виду в этом хаосе дыма и криков.

— Женщина, куда вы?! — кричит мне охранник, когда я поворачиваю вглубь здания. — Там всё горит, бегите к выходу!

— Там плачет ребёнок! — кричу я в ответ, не останавливаясь, потому что сквозь треск пожара слышу его — тонкий, отчаянный детский плач. — Я не могу его бросить!

Дым становится всё гуще, глаза слезятся, дышать почти невозможно, но этот плач тянет меня вперёд, как невидимая нить.

— Держись, малыш, я иду! — кричу я в темноту, прикрывая рот рукавом куртки.

Балка перекрытия с треском обрушивается в паре метров от меня, искры разлетаются во все стороны, но я продолжаю идти вперёд, на голос, который становится всё ближе.

— Мама, где ты? — снова слышу я, и что-то внутри меня переворачивается, потому что этот голос...

Этот голос кажется мне пугающе знакомым.

Но додумать я не успеваю — впереди, за перевёрнутым стеллажом, вижу маленькую фигурку, съёжившуюся от страха, закрывшую голову руками.

— Иди ко мне! — кричу я, протягивая руки сквозь дым. — Не бойся, я тебя вытащу!

Мальчик поднимает голову — и я застываю на месте, не веря собственным глазам, а сердце ухает куда-то в пропасть.

Саша.

— Мама?! — кричит он, узнав меня, бросается вперёд, обхватывает мои ноги дрожащими руками. — Мама, ты пришла!

— Сашенька, — шепчу я, подхватывая его на руки, прижимая к себе так крепко, будто боюсь снова потерять. — Я здесь, малыш. Я здесь.

— Тётя Катя меня бросила, — рыдает он мне в шею, захлёбываясь слезами и дымом. — Она сказала бежать за ней, а потом отпустила мою руку и убежала.

Каждое его слово впивается в сердце раскалённой сталью, но сейчас не время для ярости — сейчас нужно выжить.

— Держись за меня крепко, — говорю я твёрдо, прикрывая его голову своей курткой. — Мы выберемся отсюда вместе. Слышишь меня? Вместе.

Третий взрыв сотрясает здание где-то совсем близко, потолок начинает крошиться прямо над нами.

— Быстрее! — кричу я сама себе, прижимая Сашу к груди, бросаясь к дальнему выходу, который вижу сквозь клубы дыма как единственный шанс на спасение.

Ноги подкашиваются от жара и дыма, лёгкие горят огнём, но я не останавливаюсь ни на секунду, потому что в моих руках — вся моя жизнь.

— Не отпущу, — шепчу я, задыхаясь. — Никогда больше не отпущу тебя, малыш.

Впереди — свет. Настоящий, спасительный дневной свет пробивается сквозь распахнутые аварийные двери.

Я вываливаюсь наружу, всё ещё прижимая Сашу к себе, падаю на колени на асфальт, кашляя, хватая воздух ртом.

А в это время у оцепления, среди суеты пожарных машин и карет скорой помощи, Дмитрий стоит рядом со следователем, которому только что передали планшет с камер видеонаблюдения торгового центра.

— Дмитрий Андреевич, посмотрите, пожалуйста, вот этот момент, — говорит следователь, разворачивая экран к нему. — Нам нужно установить хронологию для протокола.

Дмитрий смотрит на экран — сначала машинально, потом, вглядываясь, замирает.

На записи — Катя, крепко держащая Сашу за руку в толпе. Первый взрыв. Паника. И вот он, этот момент — Катя резко разворачивается, с силой отталкивает мальчика от себя, будто сбрасывая балласт, и бежит к выходу одна, ни разу не оглянувшись назад.

— Перемотайте, — хрипло просит Дмитрий, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Следователь послушно перематывает запись. Картина повторяется — тот же толчок, то же равнодушное бегство, тот же брошенный, растерянный ребёнок, оставшийся один в дыму.

— Она его оттолкнула, — шепчет Дмитрий, не веря собственным глазам. — Она специально его оттолкнула и убежала.

— Похоже на то, — кивает следователь сухо, делая пометку в блокноте. — По записи это выглядит именно так.

Дмитрий поднимает взгляд от экрана — и в этот момент видит Катю, стоящую чуть поодаль в оцеплении, целую и невредимую, с идеальной причёской, будто она не бросила только что его сына в горящем здании.

— Дима! — Катя бросается к нему, обнимает трясущимися руками. — Слава богу, я так испугалась, Саша вырвался у меня из рук, я пыталась его удержать, честное слово...

— Не смей, — обрывает её Дмитрий, отстраняясь резко, будто от прикосновения ядовитой змеи. — Я всё видел, Катя. На записи всё видел.

Лицо женщины мгновенно бледнеет, улыбка сползает, обнажая настоящую, испуганную растерянность.

— Дима, ты не понял, там была давка, я...

— Ты его оттолкнула, — цедит он, и голос его дрожит от ярости, смешанной с ужасом осознания. — Ты специально его оттолкнула и убежала одна, спасая только себя!

Сирены скорой помощи и пожарных машин заполняют воздух, толпа мечется вокруг в поисках близких.

— Там мой сын и моя жена! — кричит он в толпу, в небо, в этот рухнувший под откосом день, и в голосе его звучит боль пополам с прозрением. — Слышите меня?! Там мой сын и моя ЛЮБИМАЯ жена!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.